

A black and white photograph of an open book with a pen and two roses resting on its pages. The scene is softly lit, creating a romantic and intellectual atmosphere. The text is overlaid on the image.

ПРИЗНАКИ ЛЮБВИ

Михаил Эпштейн

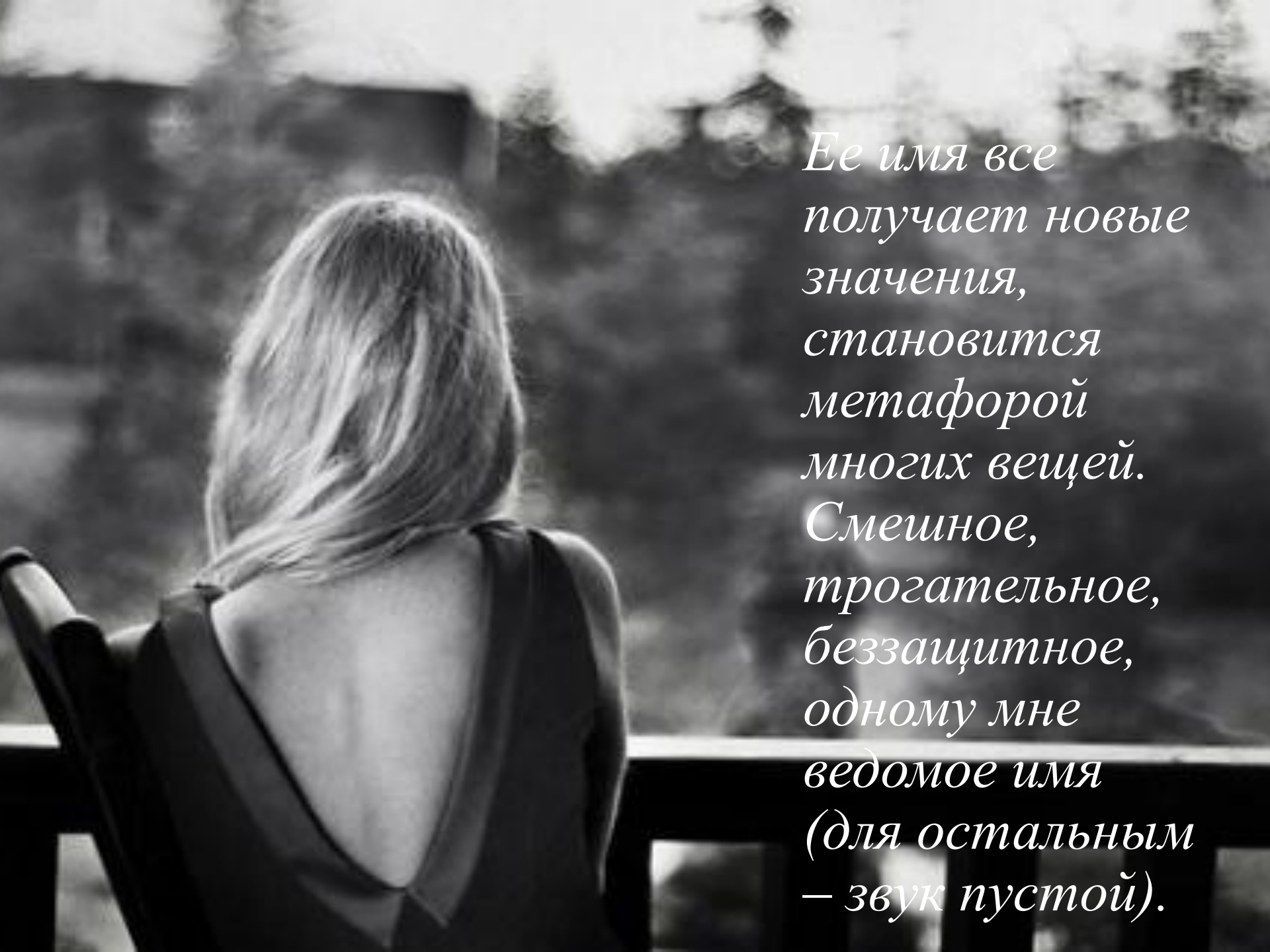
Неотступно думать о ней и ничего не придумать, кроме того, что она уже есть. Но это и есть мысль, которую можно углублять бесконечно.

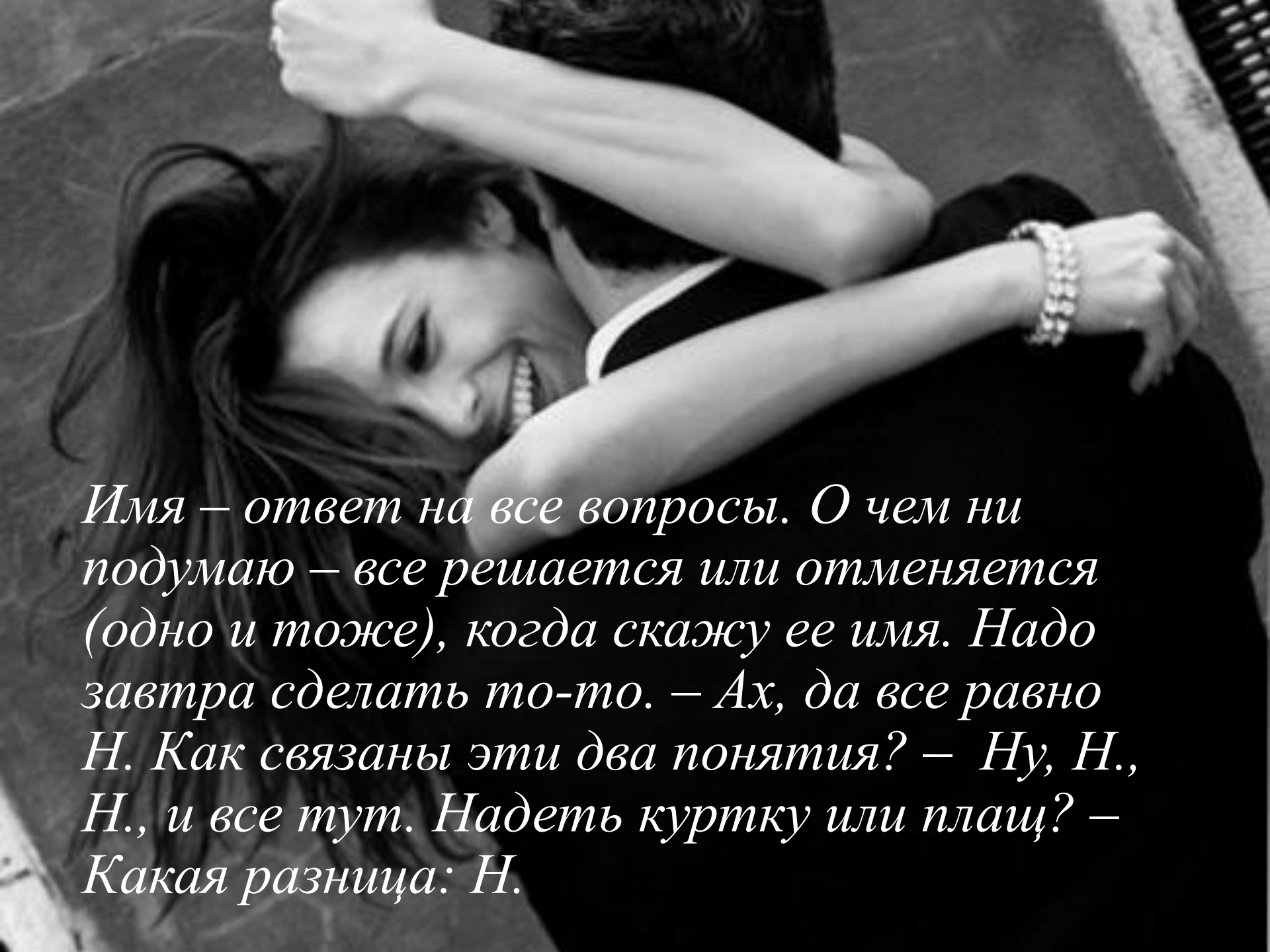
*Посреди какого-нибудь дела вдруг
забывать о том, что делаешь, и
улыбаться, к недоумению окружающих.*

*Счастье
получает
направление и
место в
пространстве,
это уже не
понятие, не
чувство,
а нечто
осязаемое —
быть
рядом.*

*Ее имя все
получает новые
значения,
становится
метафорой
многих вещей.
Смешное,
трогательное,
беззащитное,
одному мне
ведомое имя
(для остальных
– звук пустой).*

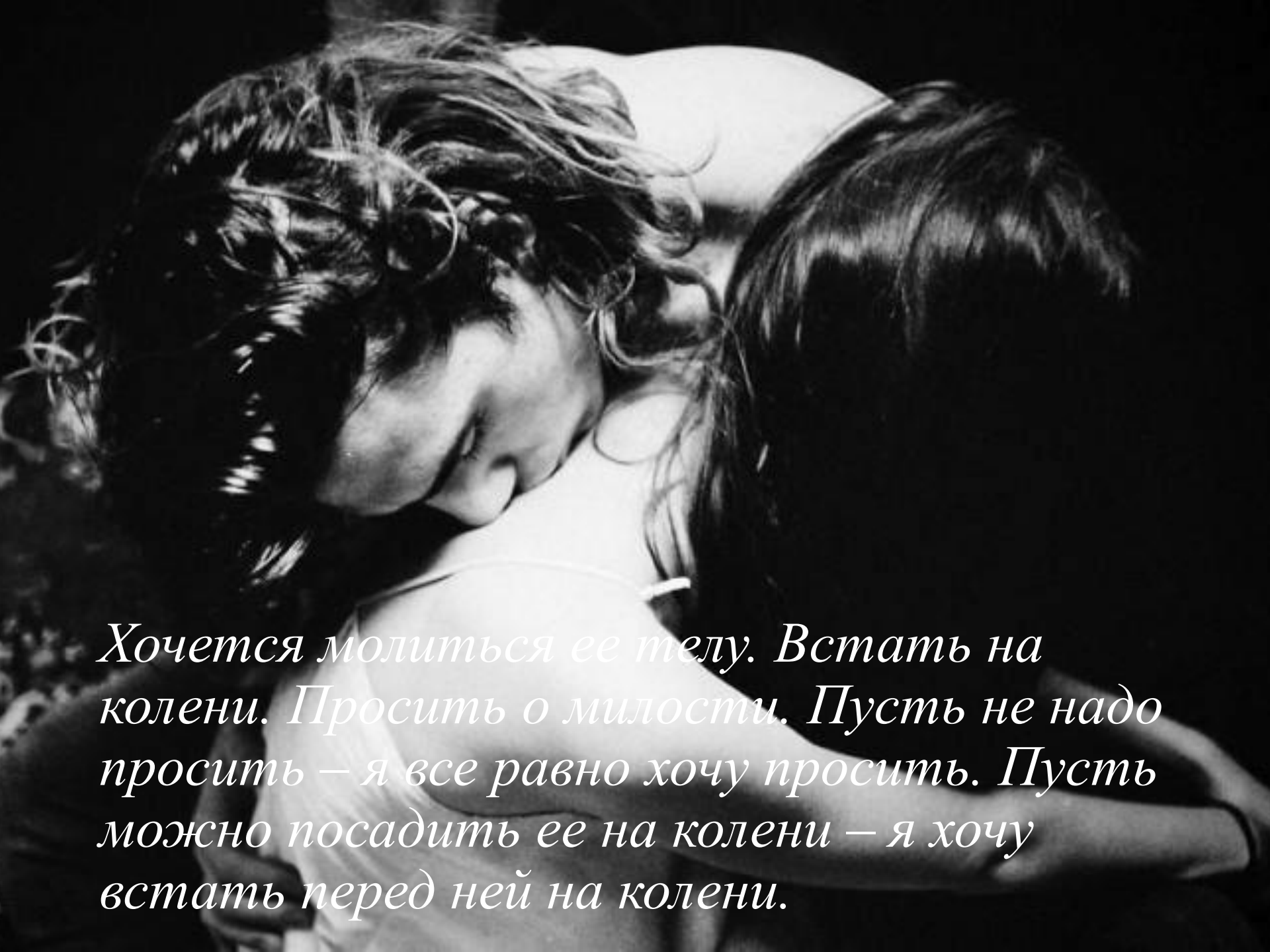
Имя – ответ на все вопросы. О чем ни подумаю – все решается или отменяется (одно и то же), когда скажу ее имя. Надо завтра сделать то-то. – Ах, да все равно Н. Как связаны эти два понятия? – Ну, Н., Н., и все тут. Надеть куртку или плащ? – Какая разница: Н.

Совершенно не помню твоего лица. Какой-то светлый туман с улыбкой. Проверяю себя: все знакомые лица помню, кроме твоего. Мистика. Где твое лицо?

*Все ее тело становится желанно, но не
больше лица, и так же светло, как лицо. И
одежда не снимается, а составляет часть
ее тела.*

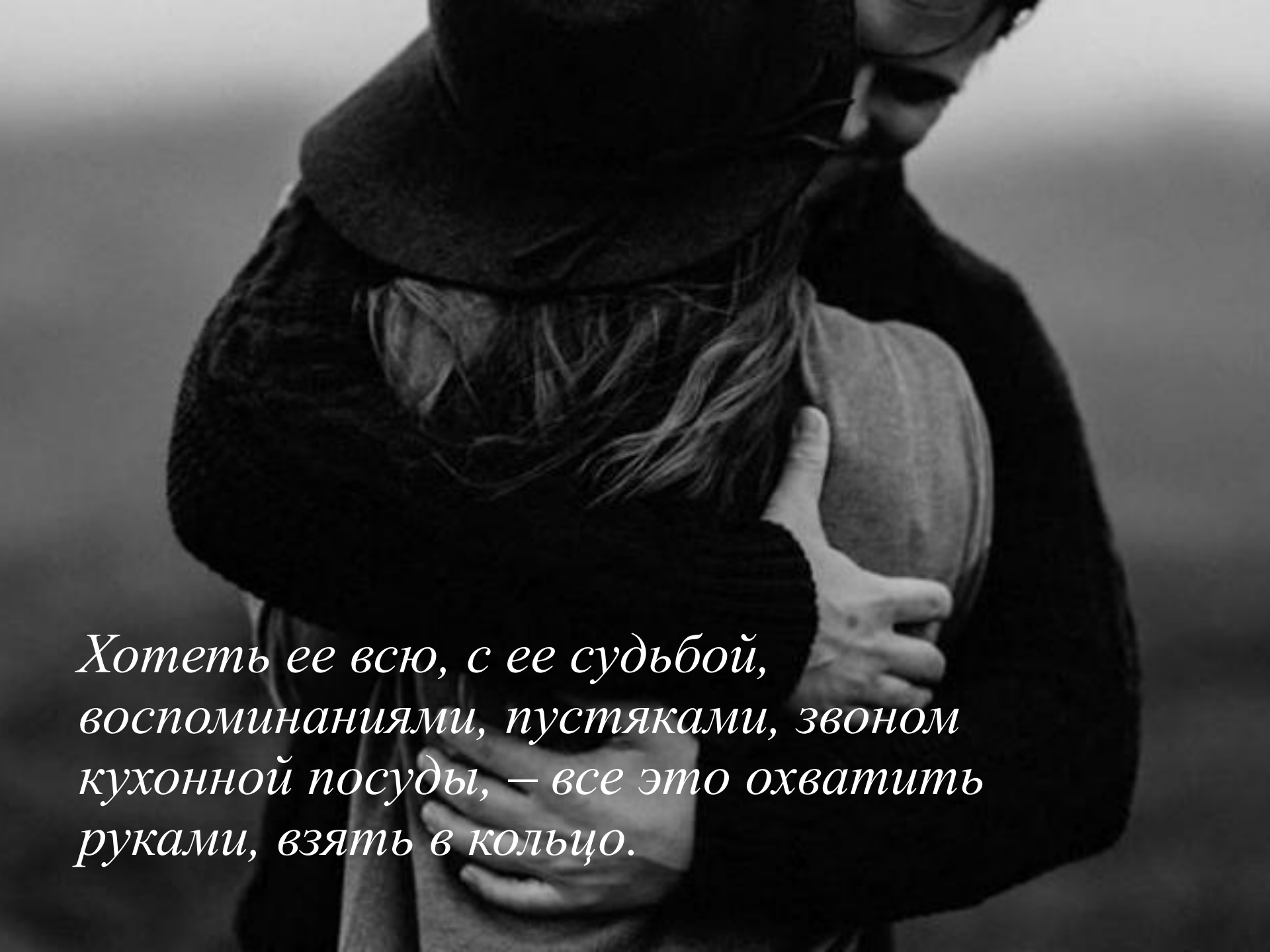
Хочется молиться ее телу. Встать на колени. Просить о милости. Пусть не надо просить – я все равно хочу просить. Пусть можно посадить ее на колени – я хочу встать перед ней на колени.

*Хочется знать,
какой она
бывает
сердитой,
печальной,
углубленной в
себя, как она
болеет, как
смотрит на
себя в зеркало.
За всем этим
хочется
следить
бесконечно
долго.*

*Рассказывать
всю свою жизнь
и удивляться,
как долго ее
не было
в ней.*

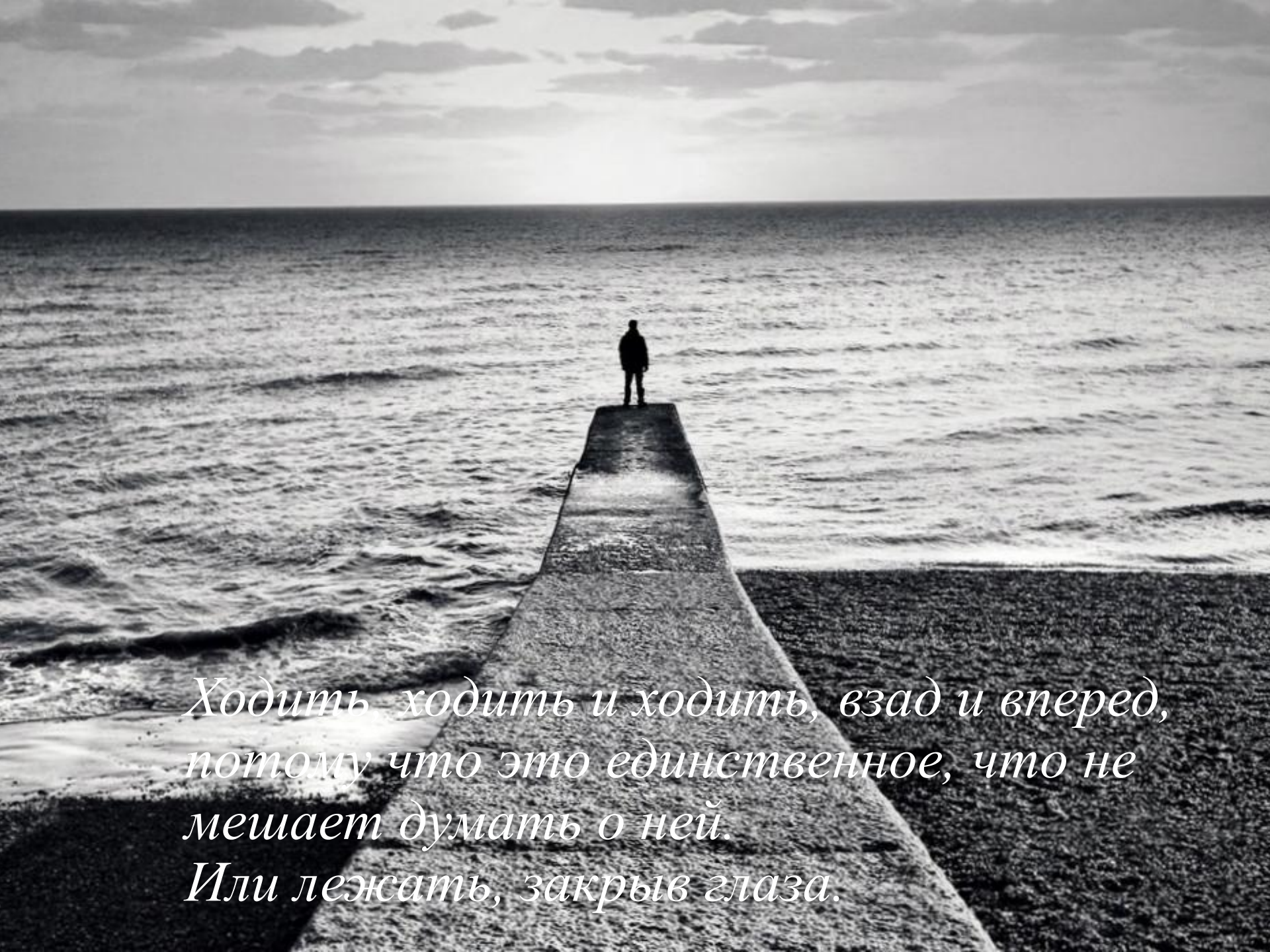

*Хотеть ее всю, с ее судьбой,
воспоминаниями, пустяками, звоном
кухонной посуды, — все это охватить
руками, взять в кольцо.*

Сделать ее хозяйкой каких-то своих вещей, привычек, знакомств, отношений, чтобы она определяла нужное и ненужное. Чтобы она читала и правила твои рукописи и обязательно была бы чем-нибудь недовольна, и ты испытывал вину и старался исправить.

*Ходить, ходить и ходить, взад и вперед,
потому что это единственное, что не
мешает думать о ней.
Или лежать, закрыв глаза.*

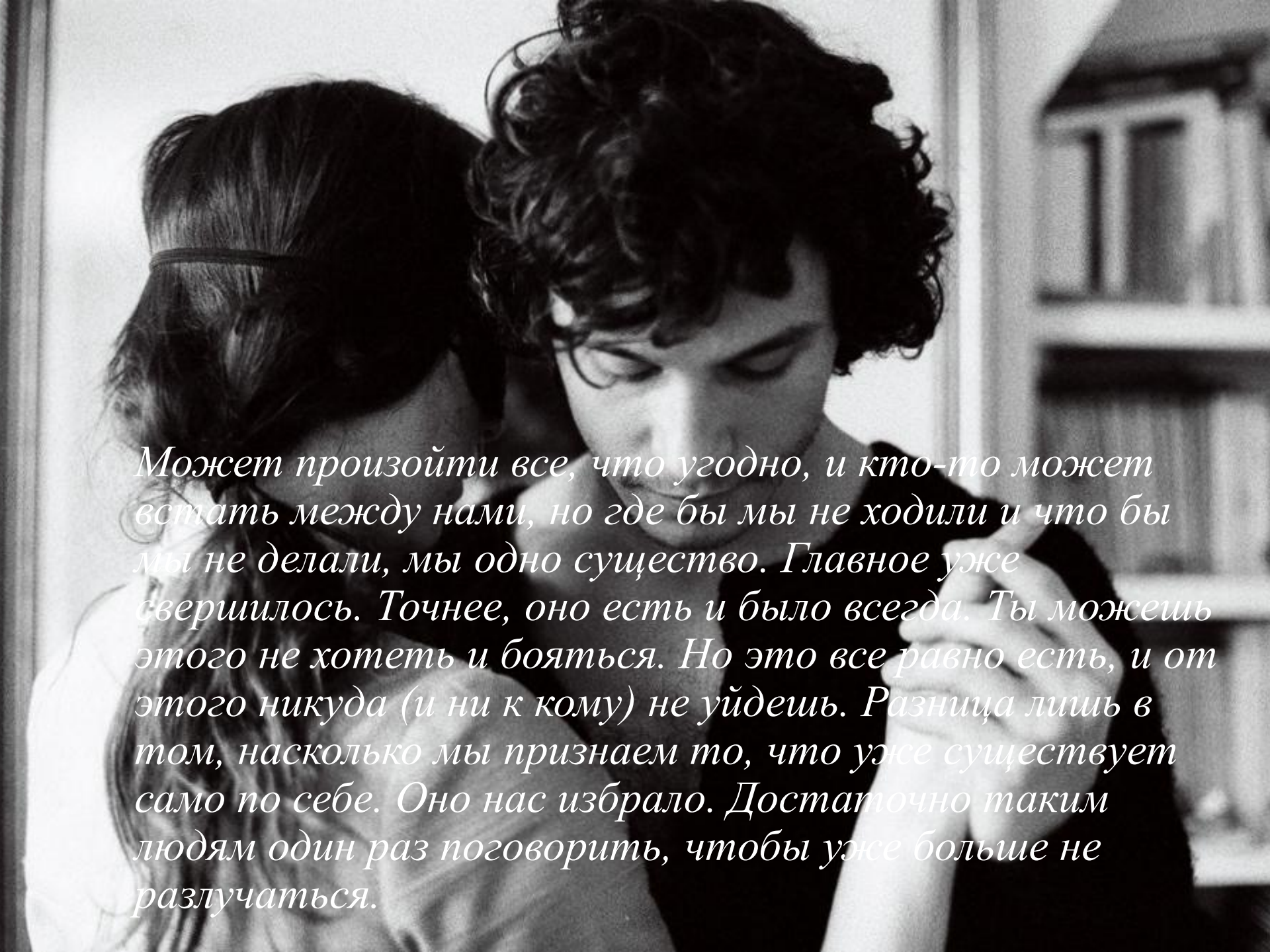
*Говорить с ней прежде, чем обнимать, и
обнимая, говорить, говорить, говорить.
Молчание оставить на потом.
Признаться в любви прежде самой любви.*

Особенно любить какую-нибудь частичку, складку, краешек, локоть, сгиб руки, сосредоточить на нем ласку, чтобы удовлетвориться в полной ее принадлежности мне, чтобы все в ней стало малым и осязаемым.

В тебе я нашел то, что можно всегда хотеть, чем нельзя насытиться. Я раньше не представлял себе, что такое как ты, может иметь плоть.

Может произойти все, что угодно, и кто-то может встать между нами, но где бы мы не ходили и что бы мы не делали, мы одно существо. Главное уже свершилось. Точнее, оно есть и было всегда. Ты можешь этого не хотеть и бояться. Но это все равно есть, и от этого никуда (и ни к кому) не уйдешь. Разница лишь в том, насколько мы признаем то, что уже существует само по себе. Оно нас избрало. Достаточно таким людям один раз поговорить, чтобы уже больше не разлучаться.

Я волнуюсь и в тоже время спокоен, потому что мне не нужно тебя завоевывать и что-то самому решать. Это уже случилось и решено не нами. «Не нами» – вот чем отличается это от своих подобиий. И потому я не ревную. То, что в тебе мое, и то, что во мне твое, не может принадлежать кому-то другому. Оно наше. И через сто лет оно останется таким же, как сейчас. Я люблю тебя чем-то бессмертным в себе.

